

ЧУВСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Тихонова И. Ю., кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания

Не будет преувеличением сказать, что в истории философской мысли исследованию чувственной стороны бытия человека отводилось отнюдь не первое место. Аффекты сближали человека с животным, а потому были выведены за пределы философской проблематики, как нечто недостойное. В современной философии чувственность проблематизируется. Формируется культура, в которой «эмоциональные и экономические практики взаимно формируют друг друга»¹, а в пространстве повседневности внимание все более обращается на эмоциональную жизнь. Современное общество настолько активно воспроизводит эмоционального человека, придавая внимание его ощущениям и поискам себя, что возникает вопрос, а так ли необходимо акцентировать внимание на чувственности индивида, какие возможности это открывает для человека и общества.

Для ответов на эти вопросы необходимо учитывать то, что, во-первых, в ситуации социальной неопределенности человек пытается найти пристанище, основу в самом себе, для чего углубляется в исследование собственного Я и своих переживаний. Во-вторых, в современном обществе идея саморазвития выходит на первый план в связи с бурным развитием общества. Стремление к продуктивности стимулирует личность к исследованию своих возможностей и к анализу собственной эффективности, на которую в немалой степени влияет эмоциональное состояние человека. Вследствие этого, фиксация на внутренних процессах дополняется индивидуалистским стремлением к переустройству себя как эффективного субъекта социального пространства.

В истории существования человеческого общества формы проявления чувств являлись маркером социальной принадлежности и были обусловлены ритуализированным поведением, включающим не только закрепленную последовательность действий, но и границы человеческих притязаний и смысловых ориентиров. Личность, проявляя свои чувства в приемлемой для общества форме и в определенном типе социального поведения, осознавала себя как существо социальное.

Проявляя определенным образом чувства, участвуя в символических практиках, человек осознавал себя с точки зрения смыслов, принятых в данном обществе. Если мы посмотрим на взаимодействие человека и общества, начиная с архаики, то увидим, что функцию перевода индивидуального эмоционального опыта человека в коллективный выполняли символы, «индивид, если он прочно привязан к обществу, членом которого является, чувствует себя морально обязанным разделять его горе и радость», - писал Э. Дюркгейм².

Различные символические практики позволяли выразить коллективный опыт, осуществляя преемственность традиций и ценностей. Смысловое

оформление человеческого опыта (особенно коллективных его форм) всегда осуществлялось благодаря символам, которые позволяли индивидам переживать эмоции, уделять внимание определенным ощущениям исходя из их детерминированности культурой и ее символическими формами. Как писал М. Мосс: «молящегося одолевают чувства, допускаемые моральными предпочтениями, исповедуемыми этой сектой»³. Естественно, биологически человек спонтанно реагирует на определенные раздражители. Но то, как он понимает свои реакции, как он направляет свою поисковую активность и в каких границах конструирует свое поведение, все это зависит от культуры, в которой он формируется, от тех символических форм, которые опосредуют его отношения с внешним миром и от принятой в обществе структуры чувств, определяющей уместность и адекватность проявлений чувств индивидов. Наличие конвенциональных схем выражения чувств позволяет проявить эмоциональное отношение к событиям правильно, то есть в социально приемлемой и человечески значимой форме в определенной области действительности.

Понятно, что аффективные реакции детерминированы биологически, однако, это не отменяет возможности регулирования чувственных проявлений культурными предписаниями. Чувства людей находят свое выражение в строго определенной форме, поскольку общество, так или иначе, предписывает индивиду способы реагирования на повседневность и видения себя.

По мере развития общества, на место социально и культурно регламентированных ритуализированных практик приходят иные формы восприятия и эмоциональных реакций. Десимволизация, чрезмерность информационного потока, обрушившегося на человека, неспособность переработать и воспринять весь массив данных, с которым человек сталкивается в повседневности, погружение в виртуальную реальность, в которой преобладают симулякры, лишённые референции, порождает новый вид чувствительности, которая в конце XX века была названа постмодернистской.

Легкость восприятия и безучастное отношение ко всему вследствие принятия относительности всех установлений и оснований этого мира сменяется тоской по смыслу. Постмодернистская чувствительность порождает вакуум, преодоление которого возможно через поиск основы для нового эмоционального отношения к миру и к самому себе. Это не ведет к постановке вопроса о подлинности этого отношения, поскольку в пространстве псевдореальности, сфабрикованной информационными потоками, категории истины и правды представляются теперь архаичными. Но такой поиск переориентирует на постоянные вопросы о себе и своих чувствах, на приоритет заботы о себе.

Одним из первых исследователей трансформации чувств в современном обществе стал Р. Уильямс. Он последовал примеру П. Бурдьё и М. Мосса, которые стремились систематизировать данные о поведении индивидов и указывали на зависимость взаимодействий между людьми, их телесных практик и эмоциональных реакций от форм отношений в обществе. Следуя

логике своих предшественников, Р. Уильямс вводит понятие «структура чувства», которое можно определить как модель выражения чувств и принятия запретов на их проявление. В современном обществе мы наблюдаем, как структура чувства видоизменяется.

Прежде связь между индивидами устанавливалась на основе общих норм и ценностей, сходных практик поведения в реальности, для которых, как следствие были приняты соответствующие чувственные реакции. Сегодня связь между членами общества ослабевает, равно как и социальная солидарность. Возникают трудности в трактовке людьми эмоционального опыта другого из-за разобщенности социальных практик и разного отношения к повседневности.

В современном обществе на первый план выходят способы проявления эмоций, которые нормируются в соответствие с тем типом личности и способами ее самопрезентации, которые распространяются в виртуальном и реальном пространствах. Если человек в большей степени ориентируется на культурные коды и стандарты виртуальности и популярные в нем способы реагирования, то совершенно естественным становится отказ от принятия прежних поведенческих реакций как адекватных современному пространству существования.

Большое влияние оказывает на субъектов медиасфера, которая регулирует способы реализации чувств и позволяет сконструировать реальность посредством создания своей версии событий повседневности. Для человека единственным способом преодоления избыточности информации, которую он не может физически и психически обработать, становится восприятие повседневности через фото и видеоряд. Это дает возможность в сжатой форме «схватить» и зафиксировать событие как реальное и значимое для себя. Соответственно, такая фабрикация событий должна ориентироваться на структуру чувства, что позволит не только сформировать «реальное», но и инициировать определенные реакции на него.

Важную роль в формировании способов реагирования на повседневность играют язык и визуальные образы медиапространства, на ассоциативную связь последних и ориентировано наше сознание. Наличие многообразных моделей мира, на основе которых строится мировосприятие современного человека, симуляция реальности, в которую погружен индивид и в рамках которой он осмысливает свое существование, децентрированность социокультурного пространства, фрагментированность повседневной жизни, не позволяют индивиду раз и навсегда или хотя бы на продолжительное время осознать свою тождественность и сформировать свой Я – образ. А потому постоянная забота о себе и фиксация на своих чувствах становится перманентной. Массовая культура распространяет в большом модели чувствительного человека и служит средством самоутверждения личности, ориентированной на расшифровку собственных переживаний. Медиа среда становится заменой той коллективности, которая прежде подтверждала и признавала индивида. Теперь массовая культура транслирует стандартные символы, эстетические и

поведенческие образцы в глобальном масштабе, чтобы убедить индивида в правильности переживаемых им чувств.

Информационное пространство наполнено сфабрикованными образами, ассоциативно связанными с определенными ориентациями, выделяемыми этой инфосредой в качестве базовых. Ориентации на успех, ресурсность, на индивидуальные потребности и саморазвитие определяют направление потребления симулятивных образов, наделенных смыслом и правдоподобием. Кажущаяся свобода выбора и уникальность переживаний от потребления информационного продукта иллюзорна, за счет того, что интернет «отвечает» на индивидуальный запрос субъекта наиболее распространенным в виртуальном пространстве типом предложения. А, следовательно, определяет способ реагирования на те или иные события, предоставляя фиктивную возможность пережить и поучаствовать в процессе обретения собственного успешного и адекватного обществу Я.

А. Хохшильд в своей книге «Управляемое сердце: коммерциализация чувств» отводит социальным институтам роль управления эмоциями: «институты обустроивают свои авансены»⁴. С расширением виртуального пространства медиасфера начинает влиять на чувства человека, предлагая клишированные формы их проявления. Связывая определенным образом темы с реакциями на них, медиасфера позволяет индуцировать необходимые чувства, акцентируя внимание на привычных понятиях и феноменах или изменяя угол их восприятия. Сегодня стандартными в описании своего повседневного опыта становятся следующие фразы: «рушится привычный мир», «скрытое насилие», «чувство ярости и беспомощности», «отсутствие любви в жизни», «поиски своего места в жизни», «проживание травмы», «триггер», «абьюз», «внутренний ребенок», «токсичные отношения». Интернет-среда задает весьма определенный способ восприятия себя и мира повседневности посредством распространения стандартизированных форм и образов.

Совершенно новый способ восприятия и переосмысление ценностных установок и традиций индивидов становится возможным в связи с тем, что в медиасфере упрощается процесс изменения эмоциональных конвенций и намного интенсивнее «работает» окно Овертона. Информационное пространство стремится адаптировать людей к изменившимся условиям реального и виртуального существования, а потому повседневность представляется посредством категорий нормального и правдоподобного, свободных от моральных и нравственных оценок.

В виртуальности проблематизируются прежние смыслы, ненормативное переопределяется в социально приемлемое, что влечет за собой изменения в реальности. Виртуальность формирует новый взгляд на мир посредством новых поведенческих установок, претендующих на адекватное представление реальности. По мере «расширения» этого окна нормативности в спектр обсуждаемых тем попадают те, которые ранее считались неприемлемыми по каким-либо причинам. Очевидно, что в обществе с достаточно слабой в исполнении регламентацией моральных установок и нестабильной системой

ценностей границы нормативного регулирования могут быть изменены под воздействием медиа. Действительно, освещая повседневность в СМИ, описывая события как реальные, медиа дают им право на существование и делают привычными, формируя стереотипность за счет публичности. Воплощая, таким образом, ментальные конструкторы в виртуальную реальность, СМИ снимают запреты с обсуждения прежде несанкционированных тем, популяризируя их и утверждая в качестве обыденных предметов обсуждения.

Правдоподобие в большей степени связано с эмоциональным отношением к миру, которое позволяет отнести к фикции как к реальному событию действительности.

В этом смысле важным для осмысления структуры чувства становится понятие постправды, которое демонстрирует приоритет веры человека в реальность информационного события, над доказательством его фактической достоверности. Информация в современном обществе бытийствует, а, следовательно, одинаково достоверным для человека становится как то, что фактически существует, так и сообщение о якобы имевшем место. Значимость правдоподобия связана не только с эмоциональной окрашенностью принимаемых субъектом сообщений, но и с ориентацией на полезность этой информации для индивида или группы. Это позволяет не только эффективно распространять постправду, но и управлять чувствами субъектов виртуального пространства, вызывая необходимые переживания и реакции в ответ на сообщения. Постправда позволяет еще сильнее дистанцироваться от реальности и манипулировать чувствами аудитории, формировать ее ориентации независимо от процессов, протекающих в повседневности.

Достоверность не на столько значима по сравнению с тем, насколько искренне человек верит в то, что ему предлагают, а последнее определяется эмоциональной глубиной.

Ориентируясь на то, что в культуре и социальной памяти информация определяется фактором полезности, сообщения в меньшей степени расцениваются как истинные или ложные. Но в большей степени, как имеющие смысл для сообщества.

В формировании псевдореальности играет немаловажную роль феномен «спирали молчания», теоретически оформленный Э. Ноэль-Нойман. Этот феномен связан с умалчиванием индивидом о собственной позиции в случае ее противоречия предлагаемой и поддерживаемой большинством. «Боязнь изоляции представляется движущей силой, раскручивающей спираль молчания»⁵. Сторонники нормализации прежде неприемлемой темы достаточно быстро добиваются ее признания в качестве события, правдоподобность которого если и вызывает сомнение, то его достаточно быстро заглушить, апеллируя к статусу реальности.

Кроме того, так называемое терапевтическое общество ориентируется на придание смысла различным ситуациям, которые необходимо принять как нормальные. Это своеобразный способ адаптации к изменяющемуся внешнему миру, который К. Лэш назвал «пассивной адаптацией», при которой не

происходит активного влияния субъекта на повседневность, на собственные условия существования. Скорее, пассивная адаптация предполагает описание проблемных ситуаций в терминах приемлемости, позволяющих оправдать собственное поведение, установить его причины и выразить его смысл. Когда человек ориентируется, прежде всего, на собственные потребности и интересы, повседневность приобретает смысл исходя из этого соответствия собственному Я.

В стремлении найти устойчивое основание для самореализации, индивид руководствуется только тем, что действительно необходимо для его существования, вне моральных норм и социальных предписаний. Информационное пространство транслирует свой набор ценностей, ориентированный на созидание субъекта, имеющего собственные стандарты. Что я чувствую, как проявляется мое Я, что меня сковывает. Индивидуализация и персонификация дополняются реабилитацией чувственности, ввиду чего приоритетной становится внутренняя позиция личности, нежели ее воздействие на других. Естественно, эти стандарты также навязываются виртуальной реальностью, в пространстве которой индивид становится своим собственным проектом, не зависящим от действий анонимных Других, влияние которых может быть ограничено. Создавая собственную сеть значений, субъект ориентируется на свои предпочтения и на получение наслаждения от собственного опыта. В ситуации ослабления социальных связей и появления аномии, человек испытывает потребность в обретении уверенности. Иллюзию спокойствия и осмысленности позволяет сформировать постправда. Субъекту гораздо легче создать свою правду или принять установку, выраженную в информационном пространстве доверенным лицом или группой, нежели пытаться докопаться до истинного положения дел. Повышению правдоподобия событий способствует интерактивность – чем интенсивнее люди взаимодействуют в информационном пространстве, тем сильнее они отрываются от реальности. Иллюзия близкой связи и непосредственного контакта позволяют интенсифицировать ощущение реальности представляемого в виртуальности события и усилить эмоциональный отклик на информационное сообщение.

Виртуальная реальность обретает первостепенное значение в виду большей по сравнению с константной реальностью управляемостью. Потребляя смыслы, транслируемые в инфосреде, человек выстраивает свою жизнь согласно четким и ясным моделям поведения, которые отсутствуют в социальной реальности. Виртуализация способствует замещению реальных отношений и предметов образами реальности, которые становятся единственным фактором правдоподобия. Обращение к оценкам экспертов, результатам исследований, авторитетным мнениям и прочим информационным ресурсам позволяет индивидам сформировать свою модель мира, к которой не применяется более критериев подлинности. Напротив, модель мира должна быть понятна и соизмерима с запросами личности.

Виртуальная реальность нивелирует ощущение значимых отношений вне границ собственного существования. Все, что освещается в медиасфере должно иметь отношение ко мне, либо остается вне зоны моего внимания. Человек уже не разделяет события на те, что принадлежат его пространству, и те, которые чужды ему и неподконтрольны.

Способность осознавать свои эмоции, анализировать и проявлять их необходима также в ситуации выбора наиболее эффективного поведения.

Открывшиеся возможности для самореализации, не скованные как прежде классовыми, сословными, гендерными и прочими ограничениями, инициируют стремление догнать свой ускользающий идеал, и как следствие, вызывают чувство вины. Как мы можем заметить при обращении к медисфере, легитимными становятся два чувства – вины и неудовлетворенности. Более того, информационное пространство манифестирует эти чувства, предлагая своеобразные механизмы их преодоления – создание нарративов искупления вины и различных курсов (марафонов), способствующих преодолению собственной ограниченности.

Интересным представляется механизм преодоления двух противоречивых положений, которые распространяются в современном информационном пространстве, а именно, ориентация на аутентичность и стратегия самопреодоления. Возникает вопрос: как совместить эти противоположные позиции? Если мы открываем для себя возможность существования индивидуализированного субъекта, позиционирующего свою подлинность и уникальность, как вызвать у такого субъекта непреодолимое желание изменить себя?

Интересна в данном случае идея Р. Эшельмана о феномене перформатизма, посредством которого он определяет современную культуру. Ориентируясь на аутентичных субъектов, человек стремится выявить собственные отличия. Инаковость (недостатки, ограниченность, дарования, травмированность и прочее) становится основой уникальности, которая манифестируется в качестве важнейшей для развития личности. Таким образом, перед нами предстает субъект, глубоко анализирующий свою уникальность, видящий в ней причины собственной социальной обособленности, но стремящийся ее развить и транслировать во вне именно как ценность замкнутой и сфокусированной на себе личности.

Личность провозглашает собственную уникальность, настаивает на своем видении мира и собственной позиции, давая возможность Другим принять ее или отвергнуть. Человек представляется нарратором собственной истории, руководствующимся ориентацией на искренность и постправду как модели реализации своего Я. Искренность предполагает ориентацию на обретение смысла субъектом и трансляцию этого смысла вовне, стремясь в рассказе о себе реализовать свое Я и утвердиться в собственной уникальности. Именно отличие и становится тем каноном, на который ориентируются индивиды. Правильно играть в аутентичность, отыскивать в себе уникальность и гордиться собственной неповторимостью. Человек ищет только такое

сообщество, которое бы позволило ему оставаться собой. Таким образом, мы фокусируемся на замкнутом индивиде и проникаем к нему уважением, состраданием, любовью. Современный акцент на толерантности порожден именно этим сочувствием к фиксированному на своем пространстве субъекту, бытие которого ценно само по себе и ориентировано на приобретение значимого именно для этого субъекта эмоционального опыта.

Индивидуализация, однако, порождает ощущение виновности и тревожности, поскольку поведение человека не обусловлено ни общественными гарантиями, ни религиозными догмами. Именно поэтому источником доверия к СМИ становится в большей степени ощущение абсолютной растерянности перед внешним миром. Й. Радкау, описывая современное общество как эпоху нервозности, так характеризует мировосприятие человека: «индивид покинул уютный и обыденный мир заданных социальных порядков и попал в тревожный новый мир ненадежных норм, где нет постоянного распределения социальных ролей, где нужно обо всем заботиться самому и нести собственную ответственность».⁶

К. Юханнисон говорит о моде на психические заболевания. Действительно, сегодня можно стать свидетелями публичной исповеди известных людей, где они признаются в наличии психологических проблем, суицидальных мыслей, практик лечения и борьбы со своим недугом. Но это не самоцель, манифестируются не слабости, а пути их преодоления. Медиа навязывают идею о том, что неудачи повсеместны, но могут быть не связаны с моим подлинным бытием, и нет ничего предосудительного в спокойном созерцании со стороны. Наше общество изгоняет из повседневности все то, что мешает развитию и процветанию человека. А потому мы лично заинтересованы только в себе и в собственном благоденствии.

В обществе появляется мода на высокочувствительного субъекта, рефлексизирующего и невротичного в том смысле, что, во-первых, разочарование в себе, усталость от окружающего мира и вопросы о подлинности – это путь к себе, это мотив для самопознания и изменения. А, во-вторых, стремление к выражению подлинных чувств, не подвластных социальным установкам и конвенциям, это следствие ориентации на новую искренность, популяризованную в современном обществе. Субъект становится для себя ареной исследования, патологизирующий собственную повседневность с целью выявления в ней того, что мешает ему осуществить себя. Новое ощущение себя и своих переживаний формирую и новую мораль, оправдывающую поведение, выгодное обществу, а потому ориентированное на предпочтение самому себе.

¹ Illouz. E. Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism / E. Illouz. - London: Polity Press, 2007. - 134 p. - URL: <http://www.gbv.de/dms/mpib-toc/636332721.pdf>

² Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. - с. 659

³ Мосс М. Социальные функции священного / М. Мосс. — СПб : "Евразия" 2000. – С. 250

⁴ Хохшильд А. Управляемое сердце: коммерциализация чувств / А. Хохшильд Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 392. – С. 94.

⁵ Э. Ноэль-Нойман. Общественное мнение Открытие спирали молчания. Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — Москва : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. — С. 36.

⁶ Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / Й. Радкау. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017 — С. 26.